

СИМВОЛЫ НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ В ОРНАМЕНТЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Обоготворение и почитание неба и небесных светил занимает огромное место в системе религиозных верований древности. Эти культы в той или иной степени свойственны всем без исключения земледельческим, скотоводческим и охотничье-рыболовческим племенам, конвергентно возникая на определенной стадии общественно-экономического развития. В Западной Европе, на Кавказе, в Передней Азии развитие «небесных» культов в основном совпадает с началом разложения родового общества, что соответствует бронзовому веку¹. Правда, четкие следы их в материальной культуре, в том числе и на территории СССР², прослеживаются уже в неолите, но только в бронзовом веке они распространяются повсеместно, зачастую принимая очень сложные и локально различающиеся формы. Вместе с тем единообразие религиозных воззрений, связанных с небесными светилами, приводило к сходным материальным воплощениям этих верований (сходство знаков-идеограмм, сходные формы почитания) независимо от этнической принадлежности носителей этих верований, независимо от территориальных и хронологических границ.

Это обстоятельство помогает глубже понять общие черты и специфику космических культов языческих славян, в среде которых они получили широкое распространение.

«Небесные» верования восточных славян, среди которых выделяется аграрный культ солнца, воплотились в символических знаках, своеобразных идеограммах, которые занимают видное место среди других мотивов древнерусской орнаментики. Зародившись в глубокой древности, они постепенно с изменением религиозных представлений претерпевали изменения как со стороны формы, так и содержания. Тем не менее основные формы этих знаков и смысл, в них заключавшийся, были одинаковы везде, где важную роль в религии играли астральные верования. Так, уже в бронзовом веке колеса, круги, звезды, свастики употреблялись как изображение солнца³ (рис. 1).

Все эти символы оказались настолько устойчивыми, что в качестве декоративных элементов сохранились в народных узорах (резьба по дереву, вышивка) до наших дней, что было отмечено многими исследователями⁴. Однако сам по себе археологический материал не служил пред-

¹ А. А. Миллер. Элементы «неба» на вещественных памятниках. ИГАИМК, вып. 100, Л., 1933, стр. 131.

² А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 43, 1955, стр. 343; В. И. Равдоникас. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений. СА, IV, 1937.

³ J. Déchelette. Le culte du soleil aux temps préhistoriques. RA, 4-я серия, т. XIII, Paris, 1909, стр. 314.

⁴ Е. Н. Клетнова. Символика народных украс Смоленского края. Тр. Смоленского гос. музея, вып. 1, Смоленск, 1924; В. С. Воронов. Народная резьба. М., 1925; В. А. Городцов. Дакосарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, вып. 1, 1926; Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка. Л., 1936; его же. Древние черты в русском народном искусстве. В кн. «История культуры древней Руси», т. II, М., 1951; Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1948, № 1.

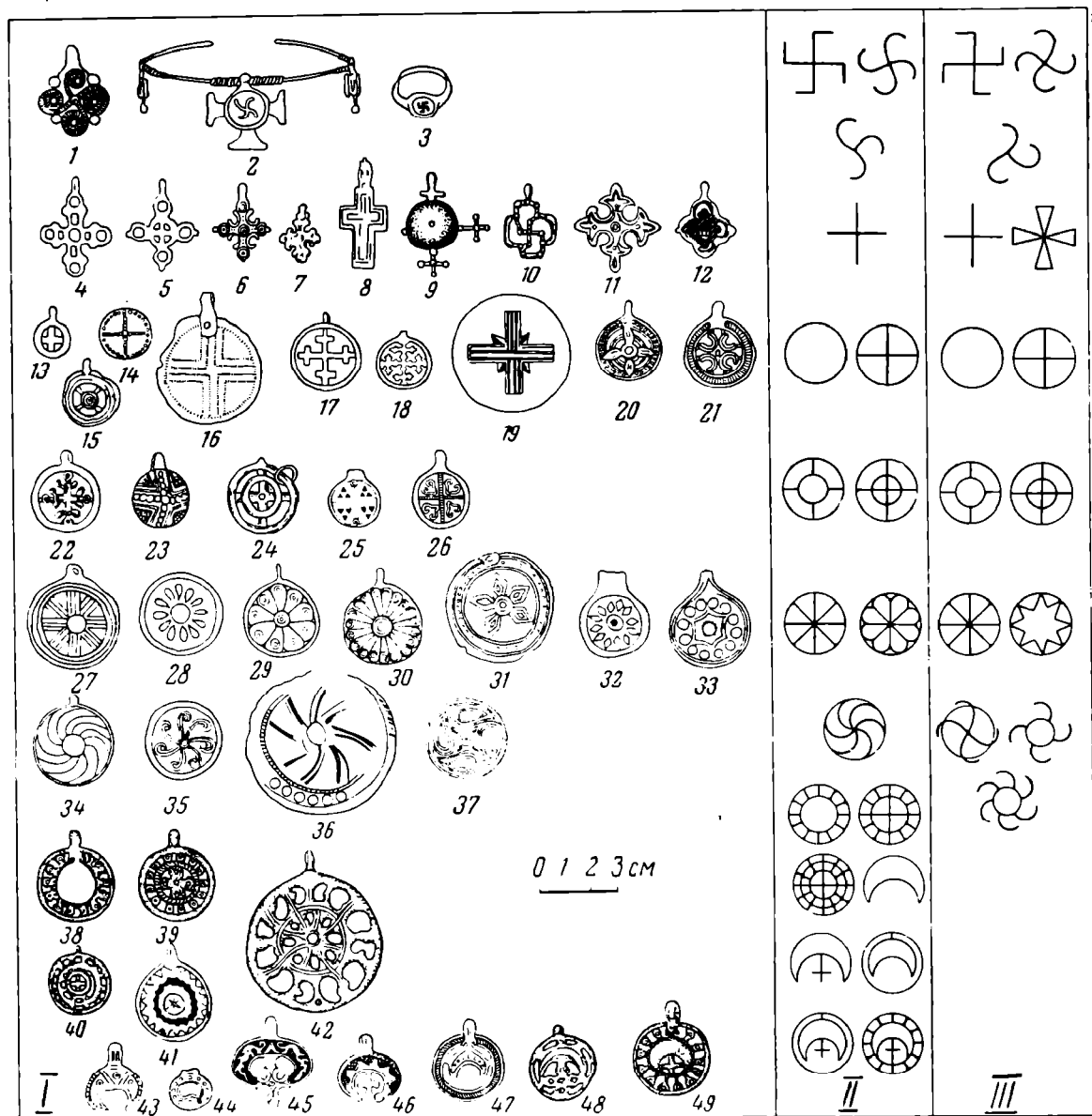

Рис. 1. Языческие символы небесных светил в древнерусских украшениях. I — общий вид украшений, II — схема орнамента на них, III — знаки, употреблявшиеся как солнечные символы в бронзовом и железном веке (по Ж. Дешелетту)

метод исследования. Отчасти этот пробел был заполнен Б. А. Рыбаковым, который на основе сопоставления археологических и этнографических данных исследовал ряд древнерусских орнаментальных мотивов, объяснил их языческое содержание и магические функции⁵. Те же задачи поставил перед собой автор настоящей статьи, ограничившись изучением лишь тех знаков, которые относятся к культам небесных тел.

В восточнославянских археологических материалах, относящихся главным образом к X—XIII вв., мы находим много вариантов этих знаков, которые воплощают целый комплекс космических верований языческих славян. Большинство их связано с украшениями женского костюма (подвески к ожерельям, бляшки, височные кольца), где они играли магическую роль оберегов. На рис. 1 дан генеалогический ряд этих знаков по степени усложнения форм, хотя как простые, так и сложные формы зачастую синхронны.

Крест — древний магический символ, существовавший задолго до христианства у самых различных народов. Первоначально форма креста

⁵ Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. В кн. «История культуры древней Руси», т. II, стр. 399—404.

имитировала древнейшее орудие для добывания огня, поэтому он стал универсальной религиозной эмблемой огня, а затем солнца как огня небесного. Как и огонь, солнце умирает и возрождается в процессе движения по небу. Крест как эмблема солнечного божества становится языческим очистительным символом воскресения и бессмертия задолго до христианства⁶.

У языческих славян крест был также символом огня. Огонь, по языческим поверьям, был очистительной, целебной стихией, способной отпугивать нечистую силу. Поэтому графический символ этой стихии — крест играет аналогичную роль. Его широкое распространение в народной среде говорит о древних корнях этого символа. В пережиточных народных обычаях связь огня с фигурой креста выступает достаточно четко. Например, на Украине в Великий Четверг приносили из церкви страстную свечу, огнем которой выжигали кресты на сволоках хат⁷. Кресты ставили в избах, над окнами, воротами, дверями, на разных местах: около дорог, по краям улиц, на перекрестках, на пожнях, на высоких берегах, над могилами. Крест носят на шее, помещают на свадебном пироге и т. д.⁸. В некоторые праздничные дни (например, в Коляды) был широко распространен обычай чертить мелом кресты не только на домах и хозяйственных постройках, но на всех земледельческих орудиях, на мебели, посуде и т. д.⁹. Этот обряд совершался для изгнания злых духов. Иногда хозяин, рисуя кресты, держал в руках блин¹⁰, который некоторые исследователи считают символом солнца¹¹.

В древнерусских курганных древностях X—XIII вв. повсеместно распространены подвески-крестики разнообразных форм (рис. 1, 4—12), многие из которых не имеют никакого отношения к христианству. Подвески-крестики XI в. найдены в земле радимичей¹², в костромских курганах XI—XII вв.¹³, где язычество было еще в то время очень сильно. Иногда они встречаются на одной цепочке с другими амулетами (коньками, ложечками, зубами зверя)¹⁴. Некоторые экземпляры имеют аналогии в древностях финно-угорских племен.

Крест являлся одновременно и символом солнца. В древности были широко распространены представления о небесном происхождении земного огня. Огонь считался посланцем небес, даром неба, низведенным на землю. В свою очередь небесные светила считались средоточием небесного огня¹⁵. У татранских словаков существовали предания о том, что огонь породил и солнце, и месяц, и звезды. У других славян существовали подобные же поверья¹⁶.

Связь небесного (солнце) и земного огня явственно выступает в праздничной народной обрядности. Так, Коляды — праздник зимнего солнца —

⁶ Сб. «Происхождение креста». М., 1927.

⁷ Н. А. Маркевич. Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860, стр. 4.

⁸ П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. 1—2. Тр. ОЛЕАЭ, кн. 5, вып. 1, М., 1877, стр. 163.

⁹ П. М. Сухов. Несколько данных по народному календарю и о свадебных обычаях крестьян Саратовской губ. «Этнографическое обозрение», 1892, кн. 13—14, № 2, 3, стр. 240.

¹⁰ А. Петропавловский. Коляды и «купало» в Белоруссии. «Этнографическое обозрение», 1908, кн. 76—77, № 1, 2, стр. 161.

¹¹ Е. Кагаров. Религия древних славян. М., 1918, стр. 46.

¹² Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы Археалягічнай Камісіі, т. III, Минск, 1932, табл. VI.

¹³ Д. Н. Анучин. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. МАВГР, т. III, 1899, стр. 257.

¹⁴ Отчет о раскопках Н. И. Репникова в Бежецком, Весьегонском и Делянском уездах в 1902 году. ИАК, вып. 6, СПб., 1904, табл. III, 23.

¹⁵ М. Никифоровский. Русское язычество. СПб., 1875, стр. 34.

¹⁶ И. И. Срезневский. Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848, стр. 24.

повсюду сопровождалось возжением огней. Это было или бревно-бадняк, с особыми обрядами сжигавшееся в печи, или огонь свечей¹⁷. Первоначально эти огни зажигались, по-видимому, с магическими целями заклинания солнца. Они являются необходимой принадлежностью и праздника Ивана Купалы в честь летнего солнца. Иногда эти огни в народе прямо назывались «огнями неба», и их получали посредством вращения колеса (символ солнца) вокруг оси¹⁸. Живой огонь, добытый таким путем, считался священным, обеззараживающим, способным давать обильный урожай именно благодаря тому, что был призван подражать теплу и свету солнца.

Вследствие связи почитания солнца и огня они обозначались единым символом — фигурой креста. В то же время крестообразные фигуры заключали в себе и более сложную символику.

Крест — фигура, образованная четырьмя лучами. Число 4 у многих народов, в том числе и у славян, было магическим, священным (понятие о четырех стихиях, четыре времени года, четыре страны света). Два последних значения тесно связывали число 4 с культом солнца. Так, бог Святovit имел четыре головы, Збручский идол имеет четыре лица, обращенные к четырем сторонам горизонта¹⁹. Святилище, открытое В. В. Хвойкой в Киеве, имело четыре выступа, ориентированные по странам света. Подобно этому, на шаманских бубнах у саамов солнце изображалось кружком с четырьмя лучами , которые называются «четыре возжи солнца». Это обозначало, что власть солнца распространяется на всю землю²⁰.

Можно предположить, что у языческих славян крест, являясь священным символом солнца-огня, служил также амулетом, оберегавшим его владельца со всех четырех сторон.

К кругу тождественных представлений, по-видимому, относятся подвески, где орнаментируемая плоскость делится на четыре части с заполнением узором каждой из них (рис. 1, 25, 26). К схеме креста восходит и так называемая «четырёхчастная композиция»²¹, известная по орнаменту дробниц поясных наборов X—XI вв. Растительный узор восточного происхождения играет здесь, вероятно, только декоративную роль.

В народном искусстве до сих пор можно найти отголоски древних представлений, связанных с описанными четырьмя элементами.

С в а с т и к а — повсеместно распространенный древний символ огня и солнца. По происхождению и содержанию близка кресту. По внешнему виду отличается от него отростками, оканчивающими каждый луч, которые первоначально символизировали вращательное движение древнего приспособления для добывания огня, а затем, когда свастика стала символом солнца, обозначали его движение по небу²².

В качестве солярных эмблем известны прямолинейная и криволинейная свастика. Древней Руси известны оба вида свастики, однако этот знак и его разновидности встречаются сравнительно редко, обычно в виде единичных изображений (рис. 1, 1—3). В народной вышивке²³, на писанках²⁴ свастика сохранялась до недавнего времени.

Из свастики посредством уничтожения одной ветви образуется триквестр — знак огня, домашнего очага, три изогнутые отростка которого напоминают трепетные языки пламени. Триквестр присутствует

¹⁷ Н. Ф. Сумцов. Культурные переживания. Киев, 1890, стр. 131.

¹⁸ Д. Фрэзер. Золотая ветвь. Вып. IV, М., 1928, стр. 171.

¹⁹ К. Болсуновский. Жертвенник Гермеса-Световида. Киев, 1909, стр. 12.

²⁰ В. И. Равдоникас. Ук. соч., стр. 12.

²¹ Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура, стр. 406—409, рис. 197.

²² Происхождение креста..., стр. 4.

²³ Е. Н. Клетнова. Ук. соч., стр. 118.

²⁴ Н. Ф. Сумцов. Писанки. Киев, 1891, стр. 33.

в составе символической композиции на серебряном браслете XII в. из Чернигова²⁵. Пережиточно сохранился в орнаментации писанок²⁶.

Форма круга издавна связывалась с постоянно наблюдаемой формой солнечного диска. В восточнославянских курганных древностях известны круглые подвески без орнамента, возможно имитирующие солнце. Аналогичную роль могли играть серебряные монеты, употреблявшиеся в качестве подвесок. Известно, что у прибайкальских народов серебряные монеты иногда относятся к числу культовых принадлежностей, связанных с солнцем²⁷.

Крест и круг — два основных элемента, из которых посредством их сочетания и видоизменений образуются остальные солнечные символы.

Крест в круге (рис. 1, 13—24). Этот древний знак, возможно, вначале воплощал идею о неразрывной связи небесного (солнце) и земного огня, затем — повсеместно распространенная идеограмма солнца. Иногда такой крест видоизменяется в четырехлепестковый цветок (рис. 1, 20). Подобные формы непосредственно переходят в розетку.

Колесо — один из самых употребительных солярных символов (рис. 1, 27). Уже не четыре, а много лучей (спиц) исходит из одной точки. Уподобление колеса солнцу было повсеместно распространено в Восточной и Западной Европе. Эта ассоциация с огненным колесом основана на том, что, по древним представлениям, солнце «вертится», «катится» по небу. В солнечные праздники оно «играет». Купальский огонь, символизирующий солнце, иногда зажигался посредством вращения колеса²⁸. Колесо, облитое дегтем, зажигалось на масленицу, когда оно символизировало возрождающееся после зимней спячки солнце, и на Ивана Купалу, когда солнце поворачивает на зиму²⁹. Во время солнечных праздников существовал обычай катания горящего колеса с холма — очевидное подражание движению солнца на небе³⁰. Следы суеверного отношения к колесу сохранялись до недавнего времени. В бывшем Ишимском уезде существовала поговорка: «Жили в лесу, молились колесу». В бывшей Смоленской губ. еще в конце XIX в. нельзя было жечь в печи старые изломанные колеса, чтобы овцы не страдали головокружением. Заболевших «куриной слепотой» заставляли смотреть в ступицу старого колеса, надеясь, что таким путем восстановится сила зрения³¹.

Розетка (рис. 1, 28—30) уже в древнейших культурах Востока была эмблемой солнечных богов. Фигура розетки оказалась наиболее устойчивой, и в декоративной народной резьбе по дереву является одним из основных элементов узора. По своему начертанию она близка к цветку (рис. 1, 31). В розетке как бы воплотилась идея о связи животворящих солнечных лучей и обильного произрастания цветов и трав на земле. Интересно, что в Литве некоторые цветы (например, маргаритки и розы)³² считались цветами солнца.

Круг с вращающимся расчленением (так называемое «сегнерово колесо») является графическим изображением вращающегося колеса-солнца (рис. 1, 34—37). Загнутые в одном направлении спицы символизируют движение. Фигура близка криволинейной свастики. Эта форма обычна в современной резьбе по дереву.

²⁵ История культуры древней Руси, т. II, М., 1951, рис. 211, 2.

²⁶ Н. Ф. Сумцов. Писанки, стр. 33.

²⁷ А. П. Окладников. Ук соч., стр. 341.

²⁸ А. А. Потебня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914, стр. 166—167.

²⁹ А. Богданович. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно, 1895, стр. 115.

³⁰ Д. Фрэзер. Ук. соч., стр. 171.

³¹ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, М., 1865, стр. 213.

³² Marija Gimbutas. Ancient Symbolism in Lithuanian Folk Art, Philadelphia, 1958, стр. 12.

В восточнославянских древностях X—XIII вв. повсеместно распространены подвески-лунницы, в которых нашло отражение древнее почитание луны. Некоторые из них покрыты растительным орнаментом (рис. 1, 45). В связи с этим интересно вспомнить народные поверья, по которым луна влияет на рост растений и развитие цветов и трав³³. Лунницам приписывались священные свойства. А. Фаминцын приводит слова

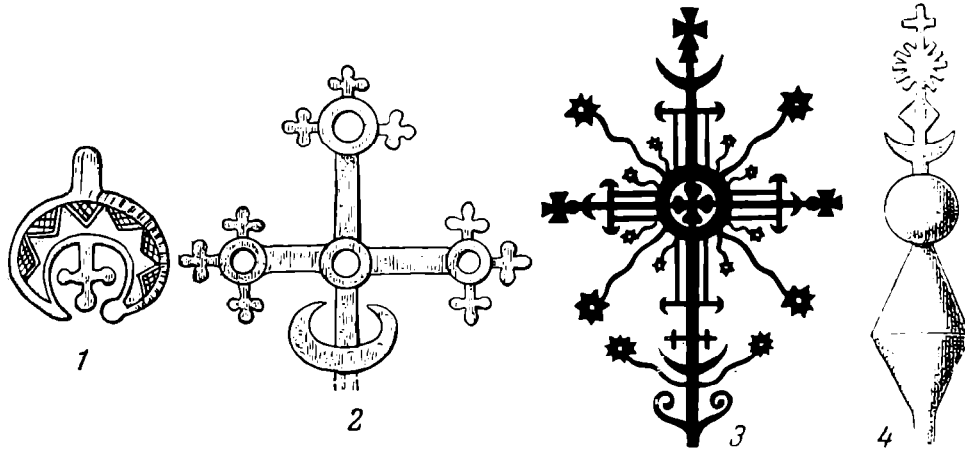

Рис. 2. Луна с крестом в древнем и современном народном искусстве

1 — подвеска-лунница XII в.; 2 — железный крест церкви Спаса-Нередицы (Новгород); 3, 4 — наконечники современных литовских крытых столбов и крестов

«Заповеди» Георгия Митрополита: «аще кто целует месяц, да будет проклят»³⁴. До последнего времени в бывш. Калужской губ. сохранялась лунница с крестом, которую мужчины носили в виде серьги для предохранения от заболеваний³⁵.

Иногда между рогов лунницы помещается крест — символ солнца (рис. 1, 45, 46). Вся композиция воспринимается как единый солярно-лунарный символ. Вместе с тем она могла иметь более широкий смысл, нести двоякую символику. В языческих религиях почитание солнца и месяца как божеств — покровителей брака, представляет очень распространенное явление. Месяц обычно является началом мужским, женихом, солнце — невестой. Эти небесные светила являются божественной брачной парой, брак которых служит прототипом человеческих браков. Как божествам, живущим в браке, земные браки отдавались под покровительство солнца и месяца. В славянской народной поэзии женский облик солнца обычнее, чем мужской, причем солнце и месяц также часто являются супружеской парой. В белорусской свадебной поэзии месяц — неизменно мужское начало, солнце — женское³⁶. В славянских колядных песнях хозяин сравнивается с месяцем, а его жена — с солнышком³⁷. В свадебном хлебе также иногда заключается мысль о браке солнца и месяца и самому хлебу придается форма солнца или месяца, а иногда он представляет все небесное семейство: в углублении каравая помещают сделанные из теста изображения солнца и луны³⁸.

Таким образом, композиция из луны с крестом могла обозначать неразрывность, единство мужского (месяц) и женского (солнце) начал, быть символом супружества. Быть может, такие подвески носили только

³³ М. Забылин. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880, стр. 270.

³⁴ А. Фаминцын. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 31.

³⁵ Д. Н. Анучин. Ук. соч., стр. 254.

³⁶ М. В. Довнар-Запольский. Солнышко и месяц в белорусской свадебной поэзии. Исследования и статьи, т. I. Киев, 1909, стр. 346—347.

³⁷ А. Богданович. Ук. соч., стр. 96.

³⁸ Н. Ф. Сумцов. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885.

замужние женщины, хотя это еще предстоит доказать. Этот древний языческий символ дожил до последнего времени в крестах с полумесяцем под ним на куполах русских церквей (рис. 2). Позднее такая композиция воспринималась как символ победы христианства над магометанством.

Дальнейшее усложнение этого мотива представляют собой подвески, где луна с крестом заключается в ободок (рис. 1, 48). Особенно интересна подвеска (рис. 1, 49), воплощающая целый комплекс космических верований древних славян, соединяющая в одном символе все «небесные» элементы. Она представляет собой крест внутри лунницы, от которой расходятся 12 лучей. Вся композиция помещена в круглый ободок. Семантика луны с крестом выявлена выше. Что же означают остальные элементы композиции?

Очень часто количество повторяющихся элементов в орнаменте рассматриваемых подвесок равно 12 (12 лепестков розетки, 12 лучей, 12 шариков, идущих по кругу и т. д.) — рис. 1, 28, 32, 33, 38, 40, 42, 49. Священное число 12 у славян было связано с небесными верованиями. Оно постоянно фигурирует в мифологических сказаниях, где представления о небе и солнце выступают в аллегорической форме. У всех славян сохранились предания о царе-солнце и его золотых чертогах; у него 12 сыновей и 12 солнечных дев³⁹. У солнца 12 царств, каждым из которых владеет один из его сыновей, которые живут в звездах⁴⁰. Того же происхождения загадка: «Рассыпался горох на двенадцать лугов» — звезды (бывшая Ярославская губ.)⁴¹. Число 12 выступает иногда в обрядовых действиях, связанных с почитанием солнца. В Германии существовал обычай сжигать на Пасху 12 бочонков смолы, расположенных вокруг двух воткнутой в землю деревьев⁴². В некоторых местностях России на масленицу на сани, запряженных 12 лошадьми, возили наряженного мужика, который сидел на колесе наверху столба, поставленного посередине саней⁴³. Во всех этих преданиях и обрядах нашло отражение деление года на 12 месяцев. Итак, рассматриваемая композиция представляет собой символическое изображение солнца с его 12 чертогами (месяцами) и луны (т. е. всего небесного семейства), заключенных в круглый ободок, вероятно, символизирующий небо, небесный круг, по которому совершают свой путь солнце и луна.

Иногда из этой композиции выпадают отдельные элементы; например, у подвески, изображенной на рис. 1, 38, сохранились лишь два ободка с 12 маленькими лучами между ними. Иногда во внутренний ободок вписывается крест (рис. 1, 39). На рис. 1, 40, 41 представлены три концентрических ободка с 12 лучами между ними и с крестом внутри. Это как бы две небесные сферы с солнцем в центре. Возможно, подобные подвески отражали более сложные представления о небе. Так, в ряде народных сказаний небесный круг делится на две части: летнюю и зимнюю. Возможно, средневековые схоластические сказания о многочисленности небес имели древнюю языческую основу, что и нашло отражение в данной композиции.

Таковы основные «небесные» символы, известные в древней Руси. Их магические функции закономерны, так как солнце и луна представлялись добрыми божествами, карателями всякой нечистой силы и зла; их появление приносило жизнь, здоровье, благополучие. Эти свойства были перенесены на условные изображения этих светил, игравшие роль чудесных оберегов.

³⁹ Д. О. Шеллинг. Символика драгоценных камней. Древности. Тр. МАО, т. I. М., 1865—1867, стр. 143.

⁴⁰ И. И. Срезневский. Ук. соч., стр. 3—4.

⁴¹ Этнографический сборник. Вып. II, СПб., 1854, стр. 75.

⁴² Д. Фрэзер. Ук. соч., стр. 146.

⁴³ И. М. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. II, М., 1838, стр. 127.

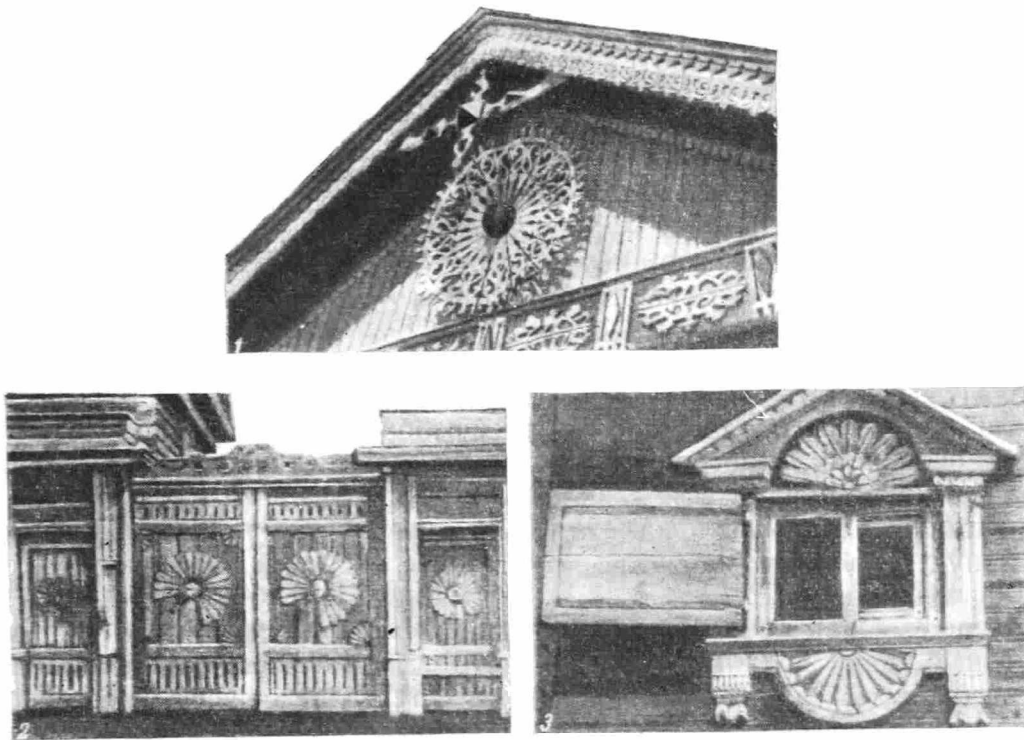

Рис. 3. Солярная символика в домовой резьбе

1 — фронтон дома (Куйбышевская обл.); 2 — ворота с накладными розетками; 3 — наличник волокового окна (Горьковская обл.)

Этнографические данные позволяют расширить круг предметов, на которые наносился этот узор в древности. Известно, что орнаментация народной одежды и тканей изобилует солярными символами. «Розетки, крестообразные фигуры, круги, иногда со вписанной в них розеткой в шестиугольнике, ромбы и части их явились основой геометрического восточнославянского узора, одинаково выполняемого от Белого моря до Карпат разнообразными техническими приемами»⁴⁴. В орнаменте восточнославянской женской рубахи преобладают мотивы ромба, розетки, восьмиконечной звезды⁴⁵. Солярные мотивы обычны в орнаментации полотенец, с языческих времен являвшихся ритуальной принадлежностью, в вышитых поясах и т. д. Иногда отдельные элементы орнамента называются «солнышки»⁴⁶.

Солнечный культ нашел отражение и в резьбе на различных частях крестьянских домов.

В современной домовой резьбе русского Севера, Среднего и Верхнего Поволжья, Сибири солярная розетка или полурозетка — необходимый элемент орнаментации, вокруг которого зачастую сосредотачиваются все остальные. Традиционная связь этих солярных эмблем со строго определенными частями зданий указывает на их первоначальный характер. Основная часть резных украшений (на юге — росписей хат) сосредотачивается на внешних стенах домов, особенно на фронтальной. По месту солярные знаки совпадают с крестами, которые с магической целью чертились мелом или выжигались на различных частях здания в определенные праздничные дни. Они украшают крыльцо, двери, углы дома.

⁴⁴ Л. А. Диндес. Историческая общность русского и украинского народного искусства. Сб. «Советская этнография», т. V, 1941, стр. 28.

⁴⁵ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX—нач. XX в. Тр. Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая, т. 31, 1956, стр. 615.

⁴⁶ П. П. Стаханов и Н. П. Стаханова. «Сапожковское городище» писцовых книг 1627—1628 со стороны историко-этнографической с приложением очерка развития орнамента одежды. Сапожок, 1927, стр. 8.

обрамляют окна («и в мое оконце засветит солнце» — пословица)⁴⁷, ставятся на калитках, воротах двора или усадьбы («и на моих воротах солнце засвитае»)⁴⁸, на фронтонах, иногда солнечные знаки заменяют коньки на крышах изб и т. д. (рис. 3).

Внутри избы солярные знаки вырезались на сволоках (матицах) — толстом бруске, который служит опорой для потолка. Со сволоком были связаны различные обычаи и поверья. Например, если приснится, что падает сволок, в доме кто-нибудь умрет. В «Слове о полку Игореве» князь Святослав видит «мутен сон», что в его тереме доски без кнеса, т. е. без сволока⁴⁹.

Солнечные символы покрывают и обиходные деревянные изделия (рис. 4). Древность этого обычая доказывается находкой частей деревянной спинки из Новгорода (конец XI в.) с изображениями солнца⁵⁰ (рис. 5).

На основании этнографических материалов отчасти можно судить о том, на какие предметы наносился этот узор в древней Руси, причем его связь с определенными предметами указывает на первоначальную охранительную роль этих знаков, которые и теперь иногда называются «солнце», «звезды» и т. д.⁵¹

На посуде они оберегали пищу. На мебели (скамьи, кровати, столы) солнечные знаки должны были охранять ее владельцев при пользовании ею; на сундуках, ларях для зерна, муки и т. д. они берегли крестьянское добро от порчи. На светцах эти символы были связаны с их непосредственным назначением источника света, подобно тому как на античных светильниках часто встречаются изображения солнца и луны. Они покрывают сани, которые часто выступают в народной обрядности при праздниках солнца.

Особенно богата орнаментация орудий и принадлежностей для прядения и ткачества. Это прялки, донца, ткацкие станки и их детали и пр. Здесь нашел отражение миф об уподоблении солнца колесу прялки, причем солнечные лучи являются нитями, наматываемыми на веретено. Народная загадка уподобляет солнечный луч веретену: «Из окна в окно готово веретено». В славянских сказках сохранилось воспоминание о чудесной самопрялке, прядущей чистое золото, о золотых нитях, спускающихся с неба⁵². С бронзового века распространены пряслица с солярной орнаментацией. Подобные пряслица найдены в нижних слоях Псковского городища⁵³.

В заключение несколько слов о территориальном распространении и хронологии памятников со следами космических культов древних славян.

Говоря о хронологии, необходимо учитывать пережиточность религиозных верований, сохраняющихся сотни лет, постепенность их исчезновения. Поэтому возможна лишь очень приближенная хронология. Основным, что должно интересовать исследователя, является вопрос — отражают ли «небесные» символы, широко распространенные в древнерусской орнаментации, в каждом данном случае современные им представления, сохраняют ли они свою семантику и магические функции или утратили их.

Основная масса предметов с «небесными» символами (главным образом подвесок к ожерельям) бытует в границах X—XIII вв. Она найдена в составе деревенских курганных инвентарей в землях, наиболее замкнутых

⁴⁷ И. И. Срезневский. Ук. соч., стр. 4.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Н. Ф. Сумцов. Культурные переживания, стр. 103.

⁵⁰ Материал из Новгорода был мне любезно предоставлен Б. А. Колчиным, за что приношу ему глубокую благодарность.

⁵¹ Л. Суха. Художественные металлические изделия украинцев Восточных Карпат. Киев, 1955, стр. 12.

⁵² А. Н. Афанасьев. Ук. соч., стр. 222.

⁵³ С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, рис. 39а, 8; е е же. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 25.

Рис. 4. Солярная символика в народных деревянных изделиях

1 — стол; 2 — детский стульчик; 3, 4 — прялки; 5 — донце; 6 — светец; 7 — санки; 8 — расписная чашка; 9 — ковш

в культурном отношении племен — вятичей, радимичей, а также кривичей, новгородских словен, где и после проникновения христианства язычество в деревне оставалось слабо затронутым. Эти подвески бывают одиночными и занимают центральное положение в ожерелье, но могут чередоваться с другими или повторяться. Эта множественность не может указывать на утрату ими апотропейного значения, так как увеличение числа одинаковых амулетов в представлении язычника только усиливало их эффективность.

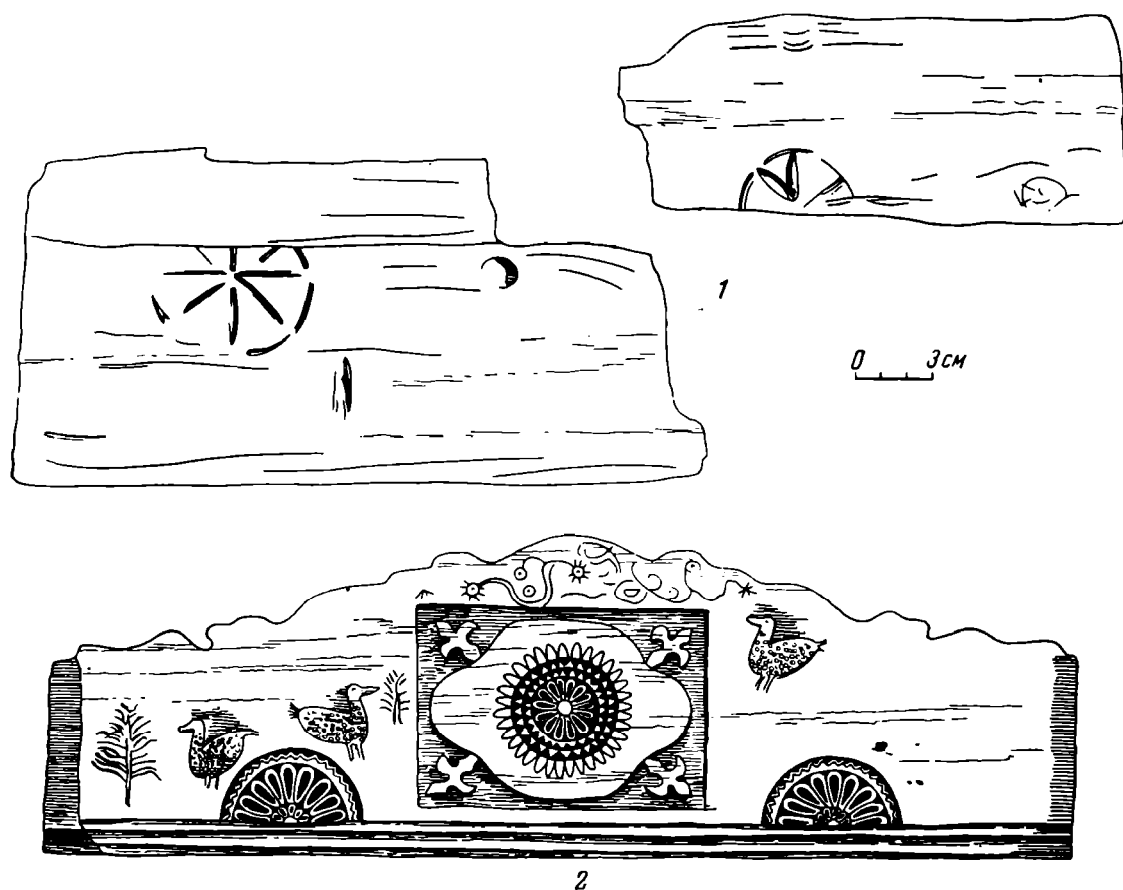

Рис. 5

1 — часть деревянной спинки XI в. (Новгород); 2 — резная спинка кровати XIX в.

Целый ряд фактов свидетельствует о том, что символические начертания, относящиеся к циклу космических верований, сохраняли свою значимость и магические функции на протяжении всего домонгольского периода, а возможно, и позже. На городище Камно найдены каменные плитки с рисунками, в том числе две с солярными знаками. Одна из них относится к нижнему слою (III—IX вв.), вторая — к верхнему горизонту верхнего слоя (XI — начало XII в.)⁵⁴. Ритуальный характер изображений очевиден. Концом XI в. датируются части деревянной спинки из Новгорода с солнечными знаками (рис. 5), XII в. — серебряный браслет из Чернигова, где в числе других символов присутствуют и солярные, концом XII в. — маска скомороха из Новгорода, на лбу которой красной краской нарисовано солнце, желтой — месяц⁵⁵. К середине XIV в. относится накладная пластинка из Новгорода с изображением дракона, возле морды которого — изображение солнца в виде колеса⁵⁶. Это иллюстрация к повсеместно распространенной на Руси легенде о пожирании драконом солнца. Началом XV в. датируется подвеска из Новгорода (рис. 1, 42), воспроизводящая солнце с 12 лучами и являющаяся отзвуком древних форм, хотя и здесь нельзя утверждать с уверенностью, что она являлась только украшением.

С упрочением христианства происходил постепенный длительный процесс отмирания языческих культов небесных светил, забвение семантики

⁵⁴ С. А. Тараканова. Каменные плитки с рисунками с городища Камно. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 152—153, рис. 56.

⁵⁵ А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2, рис. 3.

⁵⁶ Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, рис. 17, 1.

их идеограмм, утрата ими функций магических оберегов. Некоторые знаки переосмысливаются, получая новое содержание (крест, луна с крестом). Остальные приобретают чисто декоративный характер, сочетаясь с другими орнаментальными мотивами позднейшего происхождения. Уже в искусстве древней Руси один и тот же мотив мог восприниматься современниками как солнечный символ и просто как узор (например, пластинка от церковной алтарной преграды, найденная в Гродно, украшенная фигурой розетки⁵⁷).

Постепенно первоначальный смысл древних символов был забыт, хотя они и дошли в народном искусстве до наших дней, передаваясь по традиции от поколения к поколению.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К рис. 1. 1 — Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1899—1907, вып. V, табл. XVII, 372; 2 — Л. Н. Кудь. Костюм и украшения древнерусской женщины. В кн. «Высшие женские курсы». Киев, Археологический музей, 1914, табл. I; 3 — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, СПб., 1896, табл. XIII, 31; 4 — его же. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, № 206; 5 — там же, № 208; 6 — там же, № 225; 7 — там же, стр. 143, № 4; 8 — Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, 1895, табл. VII, 2; 9 — ГИМ, № 76119; 10 — ГИМ, № 63889; 11 — Н. И. Булычев. Раскопки по верхнему течению реки Угры. Зап. Московского археологического института. М., 1913, т. XXXI, стр. 33; 12 — Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии. МАВГР, т. III, М., 1889, табл. 6, № 12; 13 — Б. И. и В. Н. Ханенко. Ук. соч., вып. VI, табл. XXXVII, 548; 14 — Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы Археалагічнай Камісіі, т. III, Минск, 1932, табл. VI, 1; 15 — Ф. Д. Нефедов. Ук. соч., табл. 6, № 18; 16 — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. II, 5; 17 — ГИМ, № 42436; 18 — Б. А. Рыбаков. Ук. соч., табл. VI, 7; 19 — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. XII, 19; 20 — его же. Владимирские курганы, № 191; 21 — там же, № 199; 22 — там же, № 190; 23 — Н. И. Булычев. Ук. соч., стр. 33; 24 — А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872, табл. XXVIII, 24; 25 — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 184; 26 — там же, № 219; 27 — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии, табл. II, 3; 28 — его же. Владимирские курганы, № 188; 29 — Б. И. и В. Н. Ханенко. Ук. соч., вып. V, табл. XVII, № 369; 30 — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 186; 31 — там же, № 165; 32 — там же, № 186; 33 — Б. И. и В. Н. Ханенко. Ук. соч., вып. V, табл. XVII, № 371; 34 — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 185; 35 — там же, № 187; 36 — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ..., табл. VI, 18; 37 — А. С. Уваров. Ук. соч., табл. XXXII, 37; 38 — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 189; 39 — там же, № 192; 40 — Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XXX, 1; 41 — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 178; 42 — Новгород, 6—9—1234; 43 — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 15; 44 — Б. А. Рыбаков. Радзімічы, табл. VI, 5; 45 — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 228; 46 — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. V, 9; 47 — ГИМ, № 50020; 48 — ИАК, вып. 6, СПб., 1904, табл. V, 5; 49 — ГИМ, № 69592

К рис. 2. 1 — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20 (СПб., 1896, табл. V, 9); 2 — П. А. Гусев. О луне под крестом на куполах русских церквей. Сборник Новгородского Общества любителей древностей, т. II, 1909, стр. 11, рис. 4; 3 — Marija Gimbutas. Ancient Symbolism in Lithuanian Folk Art. Philadelphia, 1958, рис. 17 и 4.

К рис. 3. 1 — И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Среднего Поволжья. М., 1954, рис. 107; 2 — Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Тр. Института этнографии, т. 31, 1956, рис. 102, 3; 3 — И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1952, рис. 49.

К рис. 4. 1 — А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия. М., 1910—1914, вып. 1—12, табл. 5, 1; 2 — там же, табл. 20, 8; 3 — там же, табл. 15, 3; 4 — Н. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948; 5 — А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 3, 6; 6 — Н. Н. Соболев. Ук. соч., табл. 66; 7 — А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 27, 2; 8 — В. М. Вишневская. Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1956, рис. 98; 9 — А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 102, 28

К рис. 5. 1 — Новгород, 20/21—26—1134; 2 — А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия. М., 1910—1914, вып. 1—12, табл. 13, 8

⁵⁷ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, т. III. МИА, № 41, 1954, рис. 64, 6.